

Лукьянов Артём

18+

Мародер. Трофейная душа

Артем Лукьянов
Мародер. Трофейная душа

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лукьянов А. Н.

Мародер. Трофейная душа / А. Н. Лукьянов — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Трупы. Трупы. Повсюду. А ещё раненные. Тоже будущие трупы. А чё, война!
А кому война, а кому... сами знаете чего. Трупы – это хорошо. Это курево,
спирт, жрачка, это барахлишко какое-никакое, ценности, фотографии
срамные, опять-же, оружие.

Артем Лукьянов

Мародер. Трофейная душа

Трупы. Трупы. Повсюду. А ещё раненные. Тоже будущие трупы. А чё, война! А кому война, а кому... сами знаете чего.

Трупы – это хорошо. Это курево, спирт, жрачка, это барахлишко какое-никакое, ценности, фотографии срамные, опять-же, оружие.

Но с оружия проку мало. Оно тяжёлое, а стоит дешёво. Этого добра чуть не под каждым кустом... Хотя, ежели нормальный пистоль попадет, ну, там, Люгер или Вальтер, то его можно выгодно обменять или даже продать. А винтари, наша Мосинка или немецкая Маузер – это никому и даром не нать! Мусор военный. Нет, в бою, может они и хороши, но как товар – дрянь. Бывает, конечно, что мужичок захудалый с хутора дальнего закажет винтаря для охоты или перед бабой своей покрасоваться: мол, защитник, воин. Ну даст он тебе взамен муки или крупы, может самосаду отсыплет от щедрот. Но это мелочь. Стоит связываться только когда совсем голодно.

Который крестьянин, он же боится сам на поле брани сходить, подобрать чего от мёртвых осталось. И правильно боится! Без сноровки, без опыта враз попадётся. А кому попадётся? А мне и попадётся или конкурентам моим. А горше того – нашей похоронной команде. Те с ходу в расход пустют, на месте. А немецкие похоронники и отпустить могут, ежели полицаем или активистом скажешься.

Но хуже всего снайпер! И тут без разницы наш он или немец. Они, снайперы эти, офицеров из похоронной команды отстреливают. До сорок третьего наши драпали. Своих хоронить не попевали. Так бросали. Но снайпера завсегда выставляли, чтобы, значит, покуражиться напоследок.

Я – человек бывалый, под пули за зря не полезу. Осмотрюсь сперва. К себе прислушаюсь. Меня чуйка эта (предчувствие по-городскому) не раз выручала. Я её завсегда слушаюсь. Снайпера, его же не в жисть не заметишь, на то он и снайпер. Но когда свербение под косточкой чувствую – знаю – прочь уползать надо, какой бы хабар ни грёзился!

Помню раз с корешем Прохой под снайпера попали. Он, Проха, там и полёг. Мне свезло. Затаился за трупом евойным. Пролежал, не шевелясь до сумерек. А как своё тело чувствовать перестал, думаю, ежели сейчас не двинусь, то уж больше и не встану. Пополз неуклюже. Но снова свезло. Наплевал на меня снайпер. И то сказать, не в него же стреляли, ему долго таиться не резон. Пошел своих догонять. И кто знает, может сразу ушел, а может с азарту ещё караулил, подловить хотел... Тут лучше перележать лишних пару-тройку часов, переждать.

Мы же с ним, с Прохой, с зимы сорок второго вместе. Вместе призвались, воевали вместе. А как отступать надоело – остались. Дезертировали значит. И, ведь, воевали отважно, пулям не кланялись. Прохора даже к медальке представили. Только вручения не дождался. Убёг.

Оно, ведь как? По началу за Родину, за партию, лично за товарища Сталина смело в бой ходишь. Геройски помереть хотишь. А опосля понимание приходит: вот помрешь ты смертью храбрых и ни тебе, ни родным твоим, что Родина, что лично товарищ Сталин спасибо не скажут. Помёр и помёр, – вечная память герою. А своя шкура к телу ближе. Помирать не хочется.

Вот и сговорились мы с Прохой и еще с одним из нашего взвода дёру дать. И во время атаки чуть поотстали от взводного, стали помалу забирать влево и тишком-тишком с линии огня вышли да залегли. А как бой кончился да стемнело, в ближнем лесу схоронились.

Правда третьего порешить вскоре пришлось. Засомневался он. Я ж, говорит, комсомолец, я ж, говорит в партию заявление написал. Желая, говорит, кровью искупить ошибку свою. Ну не дурак? Такого не жалко. Ну Проха его штыком и приголубил.

Хлеб, тушенка, вода в флягах солдатских на первое время у нас с собою были. Мы ж готовились. А как три дня отоспались да харчи все подъели, так призадумались что дальше. А дальше решили хутор какой или деревеньку какую сыскать да подхарчиться. Долго по лесу блудили. Оголодали. Отощали. Пообносились. Ночью, пока луна светит, идешь, днем отсыпаться.

Набрели-таки на хутор. Из народа там только вдовица с детём малым да дед одноногий. В империалистическую охромел. Сами сказались окруженцами. Мол, до своих пробираемся. Хутор не богатый, разносолами геройских бойцов не потчевали, но мы и на картохе неплохо отъелись. Чуть не неделю на хуторе том прожили. А чего не жить-то: немцев нет, наши далече. Знай-жирей!

Только дед, сучий потрох, подозревать стал, вопросы всякие спросать... Вот чего тебе, хрен старый надобно?! Сидел бы себе на печи да помалкивал. Глядишь и жив бы остался.

А когда вдовицу решили попользовать, так прискакал дедок на своей деревяшке: Вы чего, мол, хриstopродавцы удумали, креста, мол, на вас нету. Не замайте, мол, бабу, за ней дитё малое.

Ну что за люди. Мы за вас кровь проливаем, живота не щадим. Нет, чтоб героям уважение оказать. От тебя убудет что-ли, сама, небось, по мужику стосковалась, а туда же – верещит, будто её фашистские супостаты забижают, а вовсе даже не бойцы красной армии чутка ласки просят.

–Шел бы ты дедок от греха, пока последнюю ногу не оторвали!

Только страх свой инвалид ещё в империалистическую растерял ну и попёр на нас двоих с клюкой на перевес. Понял, видать, что живыми их не оставим. А как живыми оставишь? Эвон сколько шуму от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.